

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СЛОВАКИИ (1938–1945 ГГ.)

Е. С. Роговой

Роговий Є. С. Суспільно-політична діяльність представників російської еміграції в Словаччині (1938–1945 рр.). У статті розглядаються головні тенденції, котрі були притаманні російському емігрантському співтовариству Словаччини у 1938–1945 рр. Автор спробував виділити та проаналізувати ключові суспільно-політичні проблеми, що впливали на настрої емігрантського середовища. Розглянуто публіцистичну спадщину Г. Гаріна-Михайловського, однієї із знакових постатей російської емігрантської спільноти Словаччини зазначеного періоду.

Ключові слова: суспільство; політичні погляди; емігранти; національна держава; благонадійність.

Роговой Е. С. Общественно-политическая деятельность представителей русской эмиграции в Словакии (1938–1945 гг.). В статье рассматриваются основные тенденции, присущие русскому эмигрантскому сообществу Словакии в 1938–1945 гг. Автор попытался выделить и проанализировать ключевые общественно-политические проблемы, влиявшие на настроения эмигрантской среды. Рассмотрено публицистическое наследие Г. Гарина-Михайловского, одной из знаковых фигур российской эмиграции в Словакии указанного периода.

Ключевые слова: общество; политические взгляды; эмигранты; национальное государство; благонадежность.

Rogovyy Ye. S. Social and Political Activity of Russian Migrants in Slovakia (1938-1945). The article is devoted to main trends that were inherent in the Russian émigré community of Slovakia in 1938-1945. The author has tried to identify and analyze key socio-political problems, influencing upon the emigre environment. Special attention is paid to the journalistic heritage of G. Garin-Mikhailovsky, one of the iconic figures of the emigrant community in Slovakia of the period mentioned.

Keywords: society; political views; immigrants; the national state; trustworthiness.

Чехословакия была одним из культурных и политических центров русской эмиграции в Европе в межвоенный период. Международное положение, приведшее к провозглашению Словацкой автономии осенью 1938 г. в составе Второй Чехословацкой республики, а впоследствии – к оккупации Чехии и Моравии и образованию Словацкого государства в марте 1939 г., стимулировало отдельных представителей русской эмиграции на переселение из Праги в Братиславу с целью трудоустройства в молодом государстве. Этому процессу, в некоторой степени, способствовала проводимая словацким правительством политика словакизации. Вследствие устранения чехов и евреев из общественно-политической жизни появилась острая потребность в кадрах. Словацкая интеллигенция не могла полностью заполнить создавшийся интеллектуальный вакуум в сфере государственного управления, научно-педагогической деятельности, что создало возможности включения представителей русской эмиграции в общественно-политическую жизнь Словацкого государства.

Изучение судеб политической эмиграции с территории бывшей Российской империи на протяжении длительного времени в СССР осуществлялось односторонне, что обосновывалось господствующими тогда (в определенной степени и сейчас) идеологическими установками. Данную тематику использовали чаще всего с целью дискредитации «контрреволюционных, антисоветских элементов». Такое же отношение к истории эмигрантов укоренилось и в социалистической Чехословакии. Как справедливо отмечает словацкая исследовательница русского происхождения Т. Шпорерова: «В советское время это стало запрещенной темой, детей и даже внуков этих людей режим преследовал, а их вклад в развитие Словакии был несправедливо забыт»¹.

На современном этапе развития исторической науки тематика русской политической эмиграции всесторонне исследуется, став одной из актуальных тем как в стра-

нах пребывания, так и на бывшей родине. Диапазон исследований отдельных аспектов довольно широк и касается состава постреволюционной эмиграции, условий ее жизни и работы, деятельности многочисленных эмигрантских организаций, имевших культурный, профессиональный и гуманитарный характер². Однако политическое состояние эмигрантского общества, как составной части словацкого, остается неисследованным и в общих чертах характеризуется стереотипно: «Политическая ориентация русских эмигрантов была в основном антибольшевистская и монархическая»³.

Нами не ставится цель комплексного рассмотрения деятельности русской эмиграции в Словакии в 1938–1945 гг., а лишь предпринимается попытка определения наиболее важных политических проблем, волновавших представителей русской эмиграции в Братиславе, анализа их политических настроений, степени их дифференциации и влияния на словацкое общество. А также на конкретном примере Г. Гарина-Михайловского рассмотреть политические взгляды одного из наиболее значимых эмигрантов в Словакии рассматриваемого периода, проанализировав его публицистическое наследие.

Основным источником для решения поставленных задач послужили материалы архивного фонда Центра государственной безопасности Словацкого государства (ЦГБ)⁴, касающиеся вопросов деятельности русской эмиграции в Братиславе, и некоторые работы русских эмигрантов.

В период Второй мировой войны русская эмиграция оказалась в довольно сложном положении. Во-первых, ее подозревали в деятельности, направленной на подрыв Словацкого государства. Об этом свидетельствуют материалы ЦГБ: отчеты и донесения о политических взглядах и (не)благонадежности эмигрантов, заведенные уголовные дела на некоторых из них. Во-вторых, эмиграцию пытались всячески привлечь к сотрудничеству, что сопровождалось заигрыванием со стороны властей, стимуляцией деятельности, поддержкой определенных взглядов. Картину дополнял интерес к эмиграции немецких органов государственной безопасности. Все это приводило к поляризации эмигрантского сообщества.

Следует отметить, что положение русской эмиграции, которая «не перешла на сторону нацизма», было тождественным с общей ситуацией среди населения на территориях, оккупированных Германией. Хотя Словацкое государство занимало наиболее либеральную позицию в отношении её. Более того, СР проявляла большой интерес к установлению контактов с эмигрантскими или антисоветскими организациями. Русские в Словакии, по сравнению с их положением в остальной «новой Европе», пользовались, пожалуй, наибольшей свободой. Для русских эмигрантских течений, организаций и отдельных лиц Словакия была, как подчеркнул Д. Шмигула, «примером небольшого христианско-славянского, хорошо организованного государства, где не господствуют коммунисты, нет колхозов, а во главе стоит священный, который сумел вполне удовлетворительно наладить отношения с Третьим Рейхом, имея обширную автономию»⁵. Многие русские эмигранты считали тогдашнюю систему в Словакии примером того, как славяне могут самоорганизовываться.

Эмигранты в Словакии делились по национальным, политическим и социальным признакам. Русские и украинцы количественно преобладали над белорусами, грузинами и армянами. Характерно, что под термином «русский» словаки подразумевали не только этнических русских, но, например, и уроженцев восточной Украины. Согласно с официальными списками русских эмигрантов, составленными в ЦГБ, украинцев, переселившихся с восточной Украины, записывали русскими⁶. На наш взгляд, причиной наличия такой этнической некорректности, являлось отсутствие информации о народах СССР, либо же ее искажение. Как справедливо отмечает историк М. Лацко «для словаков, и не только для них, осталась многонациональная большевистская империя по-прежнему только Россией»⁷.

Русские эмигранты были хорошо представлены в словацком обществе и государственных службах. В частности, в СР проживало определенное количество восточных украинцев [среди них было много харьковчан. – *Е. Р.*]. В списке функционеров «Объединения русских инженеров и техников в Словакии», составленном полицейской дирекцией в Братиславе 20 марта 1942 г., приведены основные данные о руководителях общества, состав которого был представлен в основном выходцами с восточной Украины, получивших словацкое гражданство. Из списка следовало, что уроженцы теперешних Полтавской, Харьковской, Херсонской областей работали на престижных должностях, в частности, в министерстве транспорта, МВД и других государственных учреждениях⁸. Образованные

эмигрантские кадры активно привлекались словацкими властями к процессу становления различных отраслей молодого государства. Примером нехватки квалифицированных офицерских кадров явилось назначение в 1939 г. майора артиллерии Владимира Шмидта на должность начальника новосозданного Воинского автомобильного учебного центра в г. Турчанский Святой Мартин. Считаем, нет смысла указывать, что данная воинская единица имела стратегическое значение. В. Шмидт, уроженец южной России, после эмиграции с 1920 г. служил на различных должностях в чехословацкой армии. С 1 февраля 1939 г. отправлен в запас с формулировкой: «Для чехословацкой армии не благонадежен как автономистский словак»⁹. Приведенный факт свидетельствует не только о политических симпатиях представителей эмиграции в отношении Словацкого государства, но и дает возможность проследить отношение словацкой власти к отдельным эмигрантам.

Несмотря на лояльную политику к русским эмигрантам в сфере трудоустройства, целью которой было преодоление кадрового голода и обеспечение нормального функционирования всех сфер государства, СР, как авторитарная держава, посредством органов безопасности фиксировала политические настроения всех граждан, определяла степень «благонадежности» как юридических, так и физических лиц. В частности, особый контроль был установлен над деятельностью русских политических организаций, идеологический диапазон которых колебался от коммунистических симпатизантов до приверженцев национал-социалистических идей.

Анализ направленности оперативных разработок ЦГБ в отношении русской эмиграции позволяет выделить, по меньшей мере, три направления, по которым велся сбор данных подразделениями органов безопасности по политической работе: 1) отношение к государственной политике СР и к ней самой, как государственной единице; 2) отношение к немецко-советской войне; 3) отношение к Советскому Союзу.

Особым распоряжением ЦГБ от 16 февраля 1942 г. за подписью председателя, адресованного всем районным начальникам, а также полицейским подразделениям на местах, «О мерах в отношении русских эмигрантов», предписывалось поставить политическое состояние эмиграции под контроль и ответственность жупанов и главного командования жандармерии. Последние обязаны были составлять и предоставлять в ЦГБ списки всех русских эмигрантов «с теперешней и бывшей территории СССР (русских, украинцев, белорусов, казаков)», которые находились под юрисдикцией соответствующей административно-территориальной единицы. Списки должны были составляться с обязательным учетом следующих критериев: «Установление точных личных данных лица (ФИО, даты и места рождения, гражданства, вероисповедания, семейного положения, национальности, профессии), с какого времени находится на территории СР, где проживал до приезда в СР, морально-политические воззрения». Отдельная графа отводилась политической и культурной деятельности в подотчетном районе: «Наличие политических, культурных организаций, характер их публицистической, политической деятельности, отношение к теперешнему построению новой Европы, к новому режиму на занятых восточных территориях, к панславистским тенденциям»¹⁰.

Под влиянием международной ситуации русскими эмигрантами в Словакии начали интересоваться не только органы, в чью компетенцию это входило, но и другие ведомства. Так, в апреле 1942 г. МИД в срочном порядке потребовал от ЦГБ предоставления списков русских эмигрантских обществ. В частности, подчеркивалось: «Требуем для официальной надобности список русских эмигрантских обществ в Словакии отчет об их деятельности, о преобладающих настроениях и направлениях между этими обществами»¹¹. В донесении ЦГБ от 18 мая 1942 г. была дана не только характеристика их социального состава, целей и задач, но, что важно, фиксировались политические настроения основных репрезентантов организаций. Среди прочего сообщается, что «Всеказацкое объединение атамана А. Каледина в Словакии» на последнем генеральном собрании приветствовало генерала Болабина – главу «Всеказацкого объединения Германии», в связи с высказанным им мнением в отношении войны Германии и СССР: «Убежден, что в этой исторической борьбе народов Россия будет освобождена от жидобольшевизма»¹². Политический окрас указанного эмигрантского объединения характеризует и другой источник. В мае 1945 г. Первой моравской партизанской бригадой имени Я. Жижки были захвачены документы русских эмигрантских организаций, действовавших на территории Франции, Германии

и Чехословакии в 1937–1941 гг. Среди них находилась переписка между руководящими лицами политического эмигрантского движения Чехословакии. В частности, в одном из писем во «Всеказацкое объединение атамана А. Каледина в Братиславе» от 29 июня 1941 г. подчеркивалось: «Наконец-то дождались, на советских границах застреляли. Г. Л. [так в тексте. – Е. Р.] принес сведения, что немецкие войска в 160 км от Москвы. Если не ошибся в километрах, то дни Москвы сочтены»¹³. Таким образом, среди казацких представителей эмигрантского общества прослеживалось особое отношение как к немецко-советской войне, так и к самому СССР. Между тем, донесение ЦГБ от 30 июля 1942 г. «О русских эмигрантах», составленное по требованию немецкого советника по вопросам полиции в Братиславе Ф. Голтза, свидетельствует о наличии альтернативных, даже противоположных, мнений среди эмигрантов. В приложениях к донесению был включен список эмигрантов, проживавших на территории Словакии. Среди них [список составлен в независимости от того, имелось ли у них словацкое гражданство или нет. – Е. Р.] находились и православные священники – «batjuško», которые пропагандировали православную веру. Например, в донесении ЦГБ сообщалось, что «один из таких православных священников, Алексей Емельянович, не только призывает принимать православие, но и отговаривал словаков вступать в словацкую армию, которая воевала против СССР»¹⁴. В данном случае национальные симпатии возобладали над политическими пораженческими позициями.

С провозглашением Словацкой автономии 6 октября 1938 г. начала проводиться фильтрация общественных организаций на предмет политической надежности. Не обошел этот процесс и эмигрантов. К примеру, в 1938 г. прекратила свою деятельность организация «Русский сокол», которая была распущена постановлением словацкого автономного правительства от 5 декабря 1938 г.¹⁵. С началом немецко-советской войны, в течение 1941 г., последовал новый виток запретов на деятельность русских эмигрантских обществ, образованных при ЧСР и имеющих прочехословацкие симпатии. В июне 1941 г. прекращает свое существование объединение «Русский клуб» в Братиславе, о чем свидетельствует сообщение МВД от 23 июня 1941 г., адресованное председателю «Русского клуба» М. Михайликову. Любопытна формулировка ликвидации, вытекающая из сообщения «доводим к сведению представителя «Русского клуба», что это объединение, вследствие длительной бездеятельности и утраты членства, закрыто»¹⁶. Полицейскому директору было поручено исключить объединение из перечня общественных организаций. Из донесения полиции о ликвидации в 1941 г. общества «Русская беседа» следовало, что оно было «неполитической, неприбыльной организацией, целью которой являлось поддержание общественных контактов между членами в виде приятельских бесед и развлекательных вечеров, создание библиотек и проведение лекций»¹⁷. На наш взгляд, целенаправленная ликвидация выше приведенных организаций проводилась как акция по стабилизации внутриполитической ситуации в связи со вступлением Словакии в войну против СССР. Хотя в сравнении с другими национальными меньшинствами, объединения которых были запрещены сразу после принятия словацкой автономии и не возобновляли свою деятельность в течение 1939–1945 гг., русские эмигранты находились в привилегированном (за исключением словацких союзников, куда русские не входили) положении. Одни продолжали функционировать в ограниченном режиме, другие имели возможность создавать новые объединения, которые играли, по всей видимости, роль политических противовесов.

Так, 5 июля 1939 г. был образован «Русский национальный союз участников войны, живущих в Словацкой республике». Целью союза провозглашалось объединение всех русских участников мировой и гражданской войн, проживающих в СР. Следует отметить, что членов подготовительного комитета для учреждения этого союза органы госбезопасности проверяли на политическую благонадежность. В запросе президиума полицейской дирекции в Братиславе говорится о «быстром и точном установлении моральной, политической и национальной надежности, политических взглядов и деятельности, контактов, образа жизни и репутации»¹⁸.

Важно, что расследования ЦГБ в отношении претендентов на создание организаций дают возможность проследить их политические настроения, мотивы и задачи, которые они перед собой ставили и которыми руководствовались. В донесении столичной полицейской дирекции от 1 декабря 1941 г. «Об образовании и деятельности Комитета русских национальных организаций в Братиславе» дана характеристика политического климата

русских обществ, входивших в состав вышеуказанного Комитета, в частности: Русской православной церкви, Союза русских инженеров и техников, Всеказацкого объединения атамана А. Каледина, Галлиполийской ассоциации в Словакии, Объединения русских врачей и др. Целью создания Комитета провозглашалась «подготовка своих членов к возвращению в Россию после освобождения от большевиков». Деятельность Комитета сводилась к «изданию организационных циркуляров, пропагандирующих борьбу против большевизма [на основе постановления МВД, разрешающего этот вид деятельности. – Е. Р.]. Помимо того, сбор средств среди членов Комитета на нужды антибольшевистской пропаганды, для поддержки словацкого и немецкого Красного креста, а также акции сбора подарков для словацких солдат (собрали 1000 крон) и в поддержку семей погибших на фронте словацких солдат»¹⁹.

Характерно, что не все эмигрантские организации входили в этот Комитет. Например, объединение «Русский национальный и социальный союз» в Братиславе не имел своего представителя. Это объяснялось тем, что данная организация придерживалась национал-социалистической ориентации, в то время как упомянутые русские общества, в том числе и русская православная церковь, были в основном, монархистскими. Представители «Русского национального и социального союза» имели тесные контакты со словацкими и немецкими кругами, активно работали на переориентацию всей русской молодежи и беженцев с Подкарпатской Руси на национал-социалистическую платформу²⁰. Несмотря на антибольшевистскую направленность эмигрантских организаций и приверженность линии поражения СССР в войне, большая их часть не представляла для себя возможным открытое сотрудничество с нацистским режимом. Хотя московские архивы свидетельствуют о функционировании в Братиславе филиала венского специального центра украинских националистов, который состоял из «белогвардейцев, петлюровцев и министров Карпатской Украины», а также о существовании в Пиештянах школы диверсантов для отправки в СССР, вследствие чего проводилась вербовка среди русской эмиграции²¹. В обществе «Украинская колония» в Братиславе, которая одной из своих целей провозглашала душевное укрепление украинцев, проживавших в Братиславе, ситуация отличалась от остальных тем, что была политически не однородна, а именно: часть членов занимала положение в защиту единой России, иная часть позиционировала как «сепаратистская», за образование самостоятельной Украины. В период безработицы многие члены общества вообще склонялись к коммунистическим взглядам²².

«Комитет русских национальных организаций в Братиславе» не был единственным органом, желающим монополизировать управление русскими эмигрантскими обществами. Схожими мотивами руководствовался и созданный в 1942 г. в Братиславе «Союз русских национальных обществ в Словацкой республике», который ставил задачу «объединения всех национально-мыслящих русских, проживающих в Словацкой республике под общим руководством, координировать деятельность русских национальных обществ взглядом на помощь в борьбе против большевизма». Членами этого общества были не физические, а юридические лица. В конечном итоге, поставленную цель Союз не достиг по причине того, что некоторые организации не приняли членство, утверждая о политических задачах Союза: «Здесьние русские круги считают, что Союз хочет служить политическим мотивам, претендуя представлять всю колонию русских эмигрантов в Словацкой республике как русское национальное меньшинство, хотя последнее фактически представлено в Глинковой словацкой народной партии»²³.

Попытки объединить эмигрантские организации под одним руководством не привели к своему логическому завершению вследствие политической неоднородности русской эмиграции. Установившаяся дифференциация не дала заинтересованным субъектам возможности легкого и удобного контроля над организациями, которые продолжали автономное существование практически до распада Словацкой республики. Остается открытым вопрос об инициаторах этого объединения. В оперативно-следственных материалах ЦГБ, рассчитанных на внутреннее пользование, нет сведений на сей счет. Но ввиду особого личного контроля со стороны полицейского атташе немецкого посольства в Братиславе Ф. Голтза, бывшего немецкого советника в Словакии, можем предположить заинтересованность Германии, которая начала проявляться с 1942 г., т.е. с началом трудностей Вермахта на восточном фронте.

С осени 1943 г. эмигрантам для проведения своих культурных мероприятий, «в программах которых присутствуют русские песни, танцы, чтение произведений русских авторов», требовалась санкция 15 отдела МВД, на контроле у которого находились вопросы политической безопасности государства. Предписывалось «строго следить за тем, чтобы о русских культурных мероприятиях не было никакой рекламы, ни плакатов, ни походов улицами». За исполнение данного распоряжения отвечали полицейские дирекции на местах, а также районные начальники под руководством Управления пропаганды и жупанов²⁴.

С приближением фронта к восточным рубежам Словацкой республики, среди эмигрантов, как ни парадоксально, зрели прокоммунистические настроения. По материалам ЦГБ удалось проследить таковые. Донесения о коммунистической пропаганде в среде русской эмиграции, направленные немецкому советнику по вопросам полиции в Братиславе Ф. Голтзу, так характеризовали положение в мае 1944 г.: «Было установлено, что в кругах нелегальных русских беженцев в Словакии проводится подрывная, вредительская деятельность. Распространяется информация о приказе И. Сталина, который призывает русских эмигрантских офицеров возвращаться в СССР, где им будет восстановлено воинское звание и засчитаны по службе эмигрантские годы». Расследование не установило, чтобы в кругах русских эмигрантов обсуждали возвращение в СССР и вступление в Красную Армию на условиях, озвученных в вышеприведенном документе. В заключение подчеркивается, что «это не может быть правдой, так как пропаганда исходит от русских, бежавших из лагерей для военнопленных или с трансфера, с целью привлечь в свои ряды как можно больше эмигрантов»²⁵. Можем согласиться с этими выводами, принимая во внимание отсутствие всякой информации о такого рода приказе И. Сталина. Следовательно, сам факт присутствия коммунистической тематики в материалах, касающихся русской эмиграции, говорит если не о полевении их взглядов, то о конъюнктурной симпатии к Советскому Союзу. Ведь, начиная с осени 1943 г., большинству населения стало понятно, что Восточную Европу будут освобождать не западные войска, а Красная Армия. Потому с ее приближением росло чувство «славянской взаимности», «освободительной» миссии Советов и «социальной справедливости коммунизма»²⁶.

Одним из важнейших источников изучения русской эмиграции является общественная деятельность одного из талантливейших ее представителей времен Словацкого государства 1939–1945 гг., бывшего русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского, служившего переводчиком-референтом русского отделения в пресс-службе МИДа СР с момента его создания. Увлечение Г. Гарина-Михайловского публицистикой дает возможность проследить его взгляды на актуальнейшие проблемы того времени и, проанализировав их, составить дополнительную картину понимания действительности эмигрантскими кругами. Являясь сотрудником двух словацких периодических изданий – «Slovák» и «Slovenského denníka», где регулярно печатались его аналитические материалы и оригинальные научные работы, Г. Гарин-Михайловский имел возможность аргументировано доводить до сведения общественности свою точку зрения.

Л. Гарбулёва в статье, посвященной Г. Гарину-Михайловскому²⁷, выделяет несколько направлений его публицистической деятельности, подчеркивая, что тематический диапазон его творчества был довольно широк. Главной темой его работ была проблематика международного права и его использование в период нарастания военной опасности. Г. Гарин-Михайловский проводил точный анализ политологических аспектов международных отношений, обстоятельно рассматривал русский вопрос, давал оценку внешней политике и военной деятельности СССР. Следует отметить, что статьи и материалы Г. Гарина-Михайловского, анализирующие международно-политические события в годы Второй мировой войны, полны исторических аналогий, свидетельствующих о глубоком знании автором мировой истории. Особо ценными являются попытки прогнозирования дальнейшего международно-политического развития, которые представляют научный интерес и на сегодняшний день могут быть использованы в исследованиях не только историками, но и специалистами других гуманитарных дисциплин.

Не останавливаясь подробно на биографии Г. Гарина-Михайловского ввиду наличия работ, посвященных этому вопросу²⁸, остановимся на политических взглядах эмигранта. С этой целью рассмотрим некоторые его работы, позволяющие определить характер

отношения к трем ключевым вопросам, волновавшим эмиграцию, а именно: отношение к СССР, немецко-советской войне и Словацкому государству.

В статье «Европейская война и мировая экономическая ситуация», опубликованной в газете «Slovák», Г. Гарин-Михайловский сравнил методы хозяйствования Германии и СССР, придя к выводу о большой схожести этих двух политических систем: «В первых годах после [Первой – Е. Р.] мировой войны мало кто верил, что в России утвердился коммунизм. Предполагалось, что русский коммунизм был лишь переходным явлением... Коммунистическая система не только выстояла, но, можно смело утверждать, своим существованием повлияла на экономическую структуру всей Европы. Хотя идеология итальянского фашизма и немецкого национал-социализма отличается от русского большевизма, в современных Италии и Германии, точно также как в России, социальный вопрос стоит на почетном месте»²⁹. Проанализировав выше приведенную статью, ТАСС назвал подобные аналогии клеветой³⁰. Задолго до научной разработки вопроса об общем и отличном в правом и левом тоталитаризме, Г. Гарин-Михайловский указывал на одну из его общих черт.

В личных беседах и дискуссиях между сотрудниками пресс-службы Г. Гарин-Михайловский неоднократно анализировал международную ситуацию в мире и выражал мнение о внутривнутриполитическом развитии СССР. В этих дискуссиях он не скрывал свой антибольшевистский настрой. В сообщении генерального консула СССР в Праге В. П. Яковлева содержалась информация о том, что после подписания советско-германского пакта о ненападении в 1939 г. «из министерства иностранных дел Словакии был немедленно изъят матерый враг СССР белоэмигрант Гарин-Михайловский, работавший референтом русского отдела. На его место Дюрчанский приглашает Лацо Новомеского, заявляя, что это будет приятно русским»³¹. Российская исследовательница В. Марьина утверждает, что таким образом словацкие власти советско-германский пакт о ненападении пытались использовать к своей выгоде³². Факт увольнения Г. Гарина-Михайловского из МИДа Словакии опровергает сын эмигранта Николай Георгиевич Михайловский, утверждая, что его отец работал в МИДе до 1945 г., где и был арестован советской военной контрразведкой «Смерш»³³. Версия Н. Г. Михайловского находит подтверждение и в статьях некоторых словацких исследователей³⁴. К тому же отсутствует информация о назначении коммуниста Л. Новомеского на какую-либо должность в аппарат МИДа СР.

После аншлюса Австрии Германией в 1938 г. Г. Гарин-Михайловский написал статью, в которой обосновал мнение о том, что все малые государства должны создать среднеевропейскую державу западных и южных славян, которая была бы противовесом большой и мощной Германии. Сын Г. Гарина-Михайловского вспоминал, что переводчиком у отца был словацкий легионер, который специально задерживал перевод статьи в целях сохранения жизни Г. Гарину-Михайловскому. Ведь артикуляция такой точки зрения в то время была опасна³⁵. Таким образом, можно судить о трезвости и объективности политической оценки дипломата в отношении роли Германии в восточноевропейском регионе.

Отдельное место в публицистической деятельности Г. Гарин-Михайловский отводил СР – государству, в котором, по словам Л. Гарбулевой, он достиг «кульминации своей деятельности, работая в министерстве иностранных дел в этот напряженный период жизни»³⁶.

Во многих своих статьях Г. Гарин-Михайловский, касаясь словацкой проблематики, не скрывал своего позитивного отношения к политическому строю Словацкой республики, поддерживая ее существование. О политических симпатиях отца вспоминал и сын Николай³⁷. Поэтому позволим себе не согласиться с мнением российской исследовательницы Н. Перемышленниковой, которая утверждает о не разделении Г. Гарин-Михайловским политической линии словацкого правительства³⁸. В своей книге, изданной в 1944 г., он писал: «Причины возникновения Словацкого государства видим в деятельности сил, которые способствовали в XIX и XX вв. возникновению многих новых государств. В таких условиях провозглашение Словацкого государства является не только результатом усилий последней генерации, но и логическим результатом и продуктом исторического развития Европы. В результате этого возникновение Словацкого государства кажется нам исторической необходимостью. Словацкая республика гармонично влилась в общеевропейское развитие и его творческих, с истории исходящих, сил»³⁹.

В статье «Миссия малого государства» Г. Гарин-Михайловский разъяснял: «История Европы в XIX–XX вв. создала тип малого и среднего государства, который призван осу-

шестить идеи этнических единиц, поддерживаемыми историческими традициями. Миссией таких государств должно быть объединение представителей своей нации под общей государственной крышей и гармоничное развитие материальных и духовных сил нации. Только в рамках малого государства культурная деятельность может достичь наивысшего уровня, потому что такое государство руководствуется своей высокой духовной утонченностью, знает, как получить не только восхищение остальных народов, но и заложить сильные основы своего длительного существования»⁴⁰.

В отличие от остальных белоэмигрантов, которые спешно покидали Братиславу в первой половине 1945 г. в связи с приближением советских войск, Г. Гарин-Михайловский остался. Причиной послужила болезнь жены, которую нельзя было транспортировать из-за угрозы для ее жизни.

В апреле 1945 г., сразу после вступления Красной Армии в Братиславу, советская администрация эмигрантами не интересовалась, вспоминает Н. Г. Михайловский. Красноармейцы искали только немецких солдат и офицеров. По истечении месяца, когда в город прибыли органы военной контрразведки «СмерШ», Г. Гарин-Михайловский был арестован по доносу, когда пришел в министерство узнать, будет ли продолжать работу. При проведении обыска на квартире Михайловских советскими органами госбезопасности были изъяты все материалы, касающиеся его политической и публицистической деятельности. Сын Г. Гарина-Михайловского Николай Георгиевич вспоминал, что органами были изъяты также все золотые изделия, принадлежавшие семье. Примечательно, что большой золотой крест, который висел у него на шее, не взяли. Для глубоко верующей семьи Михайловских этот жест большевистских атеистов произвел сильное впечатление⁴¹.

Следователями военной контрразведки 2-го Украинского фронта Г. Гарину-Михайловскому инкриминировалось не сотрудничество с «клеро-фашистским» режимом, а участие в саботаже большевистскому правительству в МИДе России в 1917 г., а также активная деятельность в белогвардейских правительствах Деникина и Врангеля в 1918–1920 годах⁴².

Кратковременная, но плодотворная деятельность Г. Гарина-Михайловского, его жизненная позиция и убеждения не могли не производить впечатление. Если его работа во внешнеполитическом ведомстве Словацкого государства оставалась за кадром, то публицистическая деятельность, широко представленная в печати, была доступна для обсуждения в словацком обществе, что популяризовало эмиграцию и давало возможность ознакомления с ее взглядами.

Подводя итог всему выше сказанному, следует указать на особое место русской эмиграции, которое она занимала в Словацком государстве 1939–1945 гг. Связано это было не только с традиционным русофильством словацкого общества, но рациональностью в политических мотивах словацких властей, а также сложившейся международной ситуацией. Русские эмигранты оставили сильный, хотя и неоднозначный отпечаток в сознании словаков о русской ментальности, о наличии общего начала в формировании славянской идентичности.

¹ Шпорерова Т. Русская эмиграция в Словакии. – Братислава, 2006. – С. 1. Рукопись.

² Harbuľová L. Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej poobtôbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). – Prešov, 2001. – S. 215; Чумаков А. Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность. – Братислава, 2008. – С. 171.

³ Шпорерова Т. Русская эмиграция в Словакии. – Братислава, 2006. – С. 4. Рукопись.

⁴ Slovenský národný archív (далее SNA) Bratislava. – F. 209. Ústredňa štátnej bezpečnosti (далее ÚŠB).

⁵ Šmigel' M. Ruská a ukrajinská politická emigrácia v Česko-Slovensku (1918–1945) a spôsoby jej likvidácie v povojnových rokoch // Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. – Pardubice, 2004. – S. 334.

⁶ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 785. – Dok. 209 – 785 – 3. Zoznám emigrantov.

⁷ Lacko M. K otázke chápania slovanstva v slovenskej spoločnosti 1939–1945 // Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. – Pardubice, 2004. – S. 157.

⁸ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Zoznám funkcionárov «Spolku ruských inžinierov a technikov na Slovensku» v Bratislave.

⁹ Lacko M. Zrod Slovenského štátu v kronikách slovenskej armády. – Bratislava, 2010. – S. 143–144.

¹⁰ SNA Bratislava. – F. Policajného riaditeľstva (далее PR). – Kr. 492. – Dok. 5597/45. Prípis Prezídia Ministerstva Vnútra (далее MV) dňa 16.02.1942.

¹¹ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Prípís Ministerstva zahraničných vecí (далее MZV) dňa 18.04.1942.

¹² SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Správa ÚŠB na MZV dňa 18.05.1942.

¹³ Центральный государственный архив общественных объединений Украины, Киев. – Ф. Первая моравская партизанская бригада Я. Жижки. – Д. 124 – 1 – 11. – С. 22. Корреспонденция русских эмигрантов.

¹⁴ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 781. – Dok. 209 – 781 – 9. Správa ÚŠB o ruských emigrantoch dňa 30.07.1942.

¹⁵ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 203. – Dok. 296/43. Uznesenie slovenskej krajskej vlády dňa 05.12.1938.

¹⁶ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 202. – Dok. 7440/41. Prípís MV dňa 23.06.1941.

¹⁷ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 203. – Dok. 601 – 6 – 3. Správa Policajného riaditeľstva v Bratislave.

¹⁸ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 203. – Dok. 8860/39. Prípís Prezídia Policajného riaditeľstva v Bratislave dňa 30.08.1939.

¹⁹ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Správa Prezídia Policajného riaditeľstva dňa 1.12.1941.

²⁰ Там же.

²¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ) Москва. – Ф. Референтура по Чехословакии. – Д. 1386 – 4 – 2 – 9. – С. 118. Информация о антисоветской пропаганде в Словацкой республике за 1940 г.

²² SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Správa ÚŠB na MZV dňa 18.05.1942.

²³ Там же.

²⁴ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 492. – Dok. 5597/45. Prípís Prezídia MV dňa 08.10.1943.

²⁵ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 781. – Dok. 209 – 781 – 11. Hlásenie ÚŠB o komunistickej propagande medzi ruskými emigrantmi dňa 22.05.1944.

²⁶ Lacko M. K otázke chápania slovanstva v slovenskej spoločnosti 1939–1945 // Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. – Pardubice, 2004. – S. 160–161.

²⁷ Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2. – S. 359–364.

²⁸ Перемышленникова Н. «...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архива следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского) // Отечественные архивы. – 1997. – № 3; Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2.

²⁹ Garin-Michajlovskij G. Európska vojna a svetová hospodárska situácia // Slovák. – 06.03.1941. – S. 4.

³⁰ АВП РФ Москва. – Ф. Референтура по Чехословакии. – Д. 1386 – 3 – 1 – 1. – С. 50. Вырезки из официальных донесений. Материал по Словакии. 25.12.1940 – 15.06.1941.

³¹ АВП РФ Москва. – Ф. Референтура по Чехословакии. – Д. 138 – 20 – 130 – 1. – С. 142–143. Донесение генерального консула в Праге от 08.09.1939.

³² Марьина В. Советские дипломаты и словацкие политические деятели. 1939–1941. По материалам Архива МИД РФ // Новая и новейшая история. – 2008. – № 1. – С. 51.

³³ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

³⁴ Чумаков А. Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность. – Братислава, 2008. – С. 63; Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2. – S. 363.

³⁵ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

³⁶ Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2. – S. 360–361.

³⁷ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

³⁸ Перемышленникова Н. «...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архива следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского) // Отечественные архивы. – 1997. – № 3. – С. 62.

³⁹ Garin-Michajlovskij G. Vznik Slovenskej republiky ako historická nutnosť vývoja Európy. – Bratislava, 1944. – S. 26.

⁴⁰ Garin-Michajlovskij G. Poslanie malého štátu // Slovák. – 22.08.1943. – S. 4.

⁴¹ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

⁴² Перемышленникова Н. «...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архива следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского) // Отечественные архивы. – 1997. – № 3. – С. 62.